

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России

Шестаков Ю. А.

Донской государственный технический университет,
Россия, 346500, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко-147
E-mail: shesyur@mail.ru.

Аннотация. Автором выявлены основные негативные черты исторического сознания российской молодежи в качестве факторов, угрожающих национальной безопасности России. К ним относятся: антиномизм, фрагментация, дегероизация, сакрализация, неоправданное повышение роли и значения вненаучных источников формирования исторического знания, мифологизация. В результате исследования сформулированы главные направления совершенствования российской системы образования в целях устранения этих угроз: создание непротиворечивого образа истории Отечества, использование архетипов национального сознания, окультуренных творческим освоением достижений философско-исторического знания и исторической науки.

Ключевые слова: история, национальная безопасность, Россия, цивилизация, историческое образование

Для цитирования: Шестаков Ю. А. 2022. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47(2): 399–407. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia

Yuri A. Shestakov

Don State Technical University,
147 Shevchenko St, Shakhty, Rostov region 346500, Russia
E-mail: shesyur@mail.ru

Abstract. The author identifies the main negative features of the historical consciousness of Russian youth as factors threatening the national security of Russia. These include: antinomianism, fragmentation, deheroization, sacralization, unjustified increase in the role and importance of extra-scientific sources of historical knowledge formation, mythologization. As a result of the research, the main directions of improving the Russian education system in order to eliminate these threats are formulated: the creation of a consistent image of the history of the Fatherland, the use of archetypes of national consciousness cultivated by the creative development of the achievements of philosophical and historical knowledge and historical science.

Keywords: History, national security, Russia, civilization, historical education

For citation: Shestakov Y.A. 2022. Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 399–407 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

Введение

Одним из основных критериев обеспечения национальной безопасности России является интеграция интересов различных социальных групп, деятельная защита ими надгрупповых, общенациональных интересов, которую принято называть патриотизмом. Эта интеграция возможна лишь на базе достижения определенного аксиологического консенсуса по поводу признания ценностных констант отечественной цивилизации, сложившихся в процессе исторического развития и отраженных в общем историческом сознании, соотнесения представителей всех социальных групп национально-государственного сообщества с ценностной матрицей российской цивилизации. В этой связи анализ исторического сознания молодежи, выявление негативных тенденций в его развитии и поиск путей их преодоления представляется достаточно актуальным.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является историческое сознание российской молодежи. Методология исследования направлена на выявление угроз национальной безопасности России, основных негативных характеристик молодежного исторического сознания, установление причинно-следственной связи между ними и формулирование на этой основе методов устранения негативных черт исторического сознания молодежи. Наиболее важным стал аксиологический метод, позволивший провести изучение сущностных характеристик взаимоотношения культуры национальной безопасности и особенностей исторического сознания молодежи, а также выявить аксиологическую ориентацию молодежи как социальной группы. Социологический метод позволил эмпирически определить конкретные черты исторического сознания молодежи. В работе применялся диалектический метод, позволивший рассматривать феномен исторического сознания молодежи в его развитии, взаимодействии и единстве с феноменом национальной безопасности. В исследовании использовались также общенаучные методы: сравнения, обобщения, анализа, синтеза, классификации, абстрагирования, позволившие выявить причинно-следственные связи, сущность и специфику рассматриваемых феноменов.

Результаты и их обсуждение

Одной из основных характеристик массового молодежного исторического сознания является его антиномичность, возникающая как следствие недоверия молодежи к различным акторам и социальным институтам, постоянно переформирующим историческое сознание, политически ангажируя его. В числе других ярко выраженных черт – аморфность и фрагментированность. Их причиной является ценностный раскол российского общества, наличие по крайней мере двух полярных ценностных парадигм – этатистско-коллективистской и индивидуалистической, связанное с переходным, транзитивным характером нашего общества, характеризующимся отсутствием единого ценностно-смыслового ядра, обеспечивающего духовное единство социума.

Основной функцией исторического сознания исследователи не без основания считают «обретение национальной идентичности и консолидацию представителей различных социальных слоев и групп в целостную социально-историческую общность, обладающую сходным типом восприятия и оценки своего исторического прошлого» [Соснин, 2015, с. 173], но подобные характеристики исторического сознания некоторые аналитики проблемы именуют его «деисторизацией» [Столяренко и др., с. 31]. Они, несомненно, негативно сказываются на национальной безопасности и ее культуре, ибо «национальное самосознание всегда представляет собой историческое сознание» [Сучилина, 2020. с. 99].

Социологическое исследование, проведенное на заре двадцать первого века российскими учеными под руководством крупнейшего специалиста в области исторического сознания Й. Рюзена, в частности, показало, что национально-государственная идентифика-

ция российской молодежи, сравнительно с их немецкими сверстниками, построена более на привязанности к территории, нежели к определенным культурным ценностям, «духовному коду» [Линченко, 2014. с. 76]. Фрагментаризация исторического сознания отражает чуждость поливариантного официального дискурса социокультурным реалиям, а потому не содействует социальной интеграции, а противодействует ей, формируя исторический нигилизм.

Важную «воспитательную идентификационную роль» [Останина, 2015. с. 104] в формировании исторического сознания эпохи модерна играл образ героя, отсутствие которого порождает кризис национально-государственной и цивилизационной идентичности и не способствует формированию единого патриотического исторического сознания. Молодежь не стремится идентифицировать себя с определенной эпохой и выдающимися представителями, воплощающими ее духовные идеалы. Это закономерно ведет к аномии в молодежной среде, характеризующейся утратой четкой смысловозженной, мировоззренческой ориентированности. Между тем, по мнению аналитиков проблемы, с одной стороны, «личная идентификация невозможна без наличия в сознании россиянина культурных образцов как средства для реализации социальной интеграции», а с другой – «современная социокультурная ситуация характеризуется разрушением этих образцов, их нехваткой, чреватой нарушением механизмов самоидентификации, дезинтеграцией общества, выражающейся в массовых проявлениях либо социальной апатии, либо авантюризма» [Шестаков, 2016. с. 91]. В результате в истории черпается материал не для идентификации индивида с национально-государственным сообществом, без которого невозможно формирование ни полноценной личности [Эриксон, 1996], ни национальной безопасности, а, прежде всего, для «легитимации собственных притязаний», удовлетворения эгоистических амбиций. Можно сделать общий вывод о том, что содействовать формированию таких черт исторического сознания молодежи или относится к ним индифферентно – значит «заложить основы механизма саморазрушения общества» [Макар, 2006. с. 10].

Результатом является понижение статуса исторического знания в сознании молодежи, выражающееся в том, что российская молодежь (в отличие от, например, их немецких сверстников) в крайне незначительной мере видит в истории метод воспитания, формирования собственного опыта и в конечном счете собственной личности [Линченко, 2014. с. 69]. В связи с этим возрастает удельный вес источников исторического знания, формирующих историческое сознание, не связанных прямо с наукой и образованием. В первую очередь таким источником выступает пресловутая «всемирная паутина». В эпоху подъема человечества на гребень «третьей волны» информационного, постиндустриального общества средства массовой коммуникации вообще и Интернет в особенности из трансляторов ценностей переходят в разряд основного источника их формирования. К положительным моментам влияния Интернета на формирование исторического сознания можно отнести: быстроту и доступность предоставления информации; высокую степень ее альтернативности; создание целостного эстетического образа исторических событий, явлений, процессов. Негативные моменты являются вполне объяснимыми с позиции диалектики продолжения его достоинств. Быстрота и доступность приводит к формированию клипового мышления, высвечивающего события истории в соответствии с поставленной целью. Вследствие этого работа с историческими сведениями предельно прагматизирована и алгоритмизирована. Альтернативность приводит к появлению информации, обусловленной субъективными потребностями, с одной стороны, транснациональных корпораций и отстаивающих их интересы общественных и политических структур, трактующих историю как фатальный процесс универсализации по западным лекалам, с другой – регионов, этносов, конфессий, презентующих прошлое как торжество локализма. Целостность образов и представлений об истории зачастую выливается в современное историческое мифотворчество, характеризующееся фальсификацией исторических сведений для формирования символического, дихотомичного, непротиворечивого мировоззрения за счет пренебреже-

ния истиной, совмещения на этой основе реального и фантастического, желаемого и осуществленного. Как справедливо указывают аналитики проблемы, «результат использования ресурсов Интернета для формирования исторического сознания зависит, прежде всего, от характера развития человека как личности, особенностей его ценностно-мировоззренческой сферы» [Емельяненко, 2015 с. 59]. Однако главным недостатком сформированного Интернетом исторического сознания как раз и является его принципиальная мировоззренческая «неисторичность». Но именно специфика исторического обеспечивает ориентацию индивида на категорию «смысла» [Schnädelbach, 2000, s. 153]. Информация, предоставленная «паутиной», ориентирует человека на жизнь по принципу «здесь и сейчас», на исключительно ситуативное целеполагание и смыслополагание, вырывает его из контекста истории, делает «флексибилизированным, шизофреничным» [Руденко, 2012, с. 206] и тем элиминирует аксиологическую связь с национально-государственным сообществом и в целом с обществом, лишая существование человека общественно-значимого смысла, дезорганизуя личность.

Хотя церковь как транслятор исторического знания утрачивает свои позиции, специалистами в области философии истории признается, что ситуация современности, связанная с кардинальной сменой архетипов, формирующих историческое сознание, генерирующая кризис национально-государственных институтов, провоцирует некоторый религиозный ренессанс, затрагивающий и молодежь. Религиозные архетипы заменяют собой утратившие доверие общества метанарративные идеологические конструкты модерна. В них почетное место занимает революция, служащая точкой отсчета, с которой начинается реализация социального проекта метанарратива. Они направлены на то, чтобы оправдать существующий политический порядок авторитетом рациональной традиции [Bourdieu, 1991], в них торжествует то, что постмодернистами именуется феноменом «знание – власть» [Foucault, 1975]. Аналитики обращают внимание и на то обстоятельство, что религиозные архетипы используются не только традиционалистскими цивилизациями, стремящимися, опираясь на формирование религиозных ценностей в процессе своего исторического развития, отстоять свою культурную независимость, но и западными «унификаторами», стремящимися использовать религиозные архетипы общественного сознания для легитимации вестернизации. Внедряя ценности протестантизма и его многочисленных сектантских ответвлений на глобальном уровне, они хотят морализировать экономико-центристские ценности западной цивилизации, что можно характеризовать как «инструментализацию» религии в условиях глобализации, ее «подчинение политическим целям» [Останина, 2015. с. 104].

Те же тенденции характеризуют и историческую мифологию, активно формирующую историческое сознание молодежи посредством не только Интернета, но и средств массовой информации. Причины появления «органической» мифологии кроются в естественных особенностях эмпирического уровня исторического сознания, отражающего общественную психологию, национальные архетипы, особенности ментальности, интерпретирующие исторический процесс в образных и эмоциональных формах, присущих определенной национальной культуре. Она обеспечивает ценностный консенсус общества по поводу исторических образов, ориентирующих нацию в ее истории. Мифология же «искусственная» как элемент «искусственной традиции» [Derrida, 1972] преследует совершенно иные цели. Причинами ее появления зачастую становится активность самых разнообразных псевдоисториков, желающих поскорее сорвать банк популярности, не прикладывая особых усилий для сбора, анализа, логического объяснения и интерпретации на основе гносеологических критериев, выработанных наукой и философией, правдивого исторического материала. Они уповают на эпатажную необычность своих выводов, их предельную стереотипизацию, упрощение и гиперэмоциональность.

Однако подобная ситуация еще не худший вариант. Зачастую инициаторами появления «рукотворных» мифов являются геополитические конкуренты России. Их целью яв-

ляется прямое посягательство на национальную безопасность путем создания образа отечественной истории как процесса реализации якобы изначально и принципиально враждебной культурному и моральному прогрессу интенциональности российской цивилизации, представляемой в качестве «врага всего человечества» [Фролов, Кабирова, 2021, с. 91]. Этот прогресс связывается с концептом торжества общечеловеческих ценностей и претендующих на их место ценностей западной цивилизации.

В качестве примеров подобных мифов можно привести фактическую идентификацию нацистской Германии и СССР на основе разработанной в США теории «тоталитаризма», принимающей во внимание лишь институциональное сходство режимов. Между тем их интенциональное различие, с точки зрения подлинно научной интерпретации исторического процесса и объективного выяснения его аксиологической сущности, представляется куда более важным. Для фашистской Германии, в которой основные критерии индустриального общества, в том числе сознательно отвергнутое правовое государство, были давно сформированы, основной целью стал грабёж «низших» народов и геноцид как способ минимизации последствий кризиса западной цивилизации. Для Советского Союза же основной целью стал генезис своеобразного типа индустриального общества, представляющего собой альтернативный способ избежать этого кризиса. Он строился во имя максимально возможного удовлетворения растущих в ходе социалистической модернизации потребностей населения, отличаясь «гуманистической направленностью» [Шестаков, 2017, с. 153]. Нелишним будет в этой связи вспомнить и о появлении в результате разгрома фашистской Германии, решающую роль (уничтожение 2/3 дивизий вермахта) в котором сыграл СССР, влиятельного и авторитетного международного права и международных организаций, применяющих его. В результате этого человечество впервые получило возможность отстаивать универсальные гуманистические, общечеловеческие ценности на глобальном уровне. Такая явно упрощенная, а потому ложная трактовка отечественного прошлого заставляет молодежь формировать свою смысложизненную интенциональность в отрыве от аксиологической матрицы российской цивилизации, провоцирует изоляцию молодежи от своего культурно-исторического наследия и представляет прямую и явную угрозу национальной безопасности.

Вместе с тем отношение к институту образования как к доминирующему источнику исторического знания и формирования исторического сознания в целом является характерной чертой российской молодежи начала третьего тысячелетия [Линченко, 2014, с. 71]. Еще одной характерной чертой является преимущественный интерес к прошлому отечественного национально-государственного образования, с которым молодой человек себя главным образом идентифицирует. Национальная идентичность значима для подавляющего большинства молодежи [Браницкий, 2017, с. 266] (несмотря на появление субнационального и наднационального уровней исторического сознания, отражающих, соответственно, исторически сформировавшиеся константы этнических и глобальных ценностей). Следующим феноменом исторического сознания молодежи является повышенное внимание и ярко выраженный интерес к эпохам существования сильного и стабильного отечественного государства [Линченко, 2014, с. 76]. Так, согласно данным социологического опроса, проведенного в 2011 г. среди студентов Томского политехнического университета, наибольший интерес у обучающихся вызвали периоды Великой Отечественной войны, к которой молодежь относится «достаточно серьезно и ответственно» [Молчанова, 2019, с. 169], эпохи Петра Великого и Екатерины Великой [Гурьева, Иванова, 2013, с. 276].

С опорой на эти ориентационные ресурсы молодежи возможно и необходимо построение образа истории нашего Отечества на демифологизированной и светской основе. Ведь «рукотворный» миф и привнесенная извне религиозная интерпретация событий фактически «паразитирует» на стремлении молодежи познать свое прошлое. Молодежь стремится познать его в виде непротиворечивого, целостного, системного нарратива, дающего практическую ориентацию в мире современности и позволяющую выстроить свою смыс-

ложизненную интенциональность, «...развивать свое аксиологическое сознание» [Урянская, 2019. с. 209], в контексте смысложизненной интенциональности национально-государственного образования, с которым молодой человек себя соотносит. Это возможно только в условиях направленности исторического образования на демифологизацию и десакрализацию исторического сознания молодежи. Ее необходимо фундировать, во-первых, на отраженных в массовом сознании национальных архетипических, ментальных «маркерах», формирующих эмпирический уровень исторического сознания, поскольку исследователями постулируется, что понятие «историческое сознание» включает в себя и разнообразные феномены бессознательного [Rüsen, 1994, s. 211], делается акцент на его «предпосылочность», существование в контексте традиции [Hacking, 1999]. Одним из самых значимых таких архетипических символов является символ единого мощного государства как главного интегрирующего фактора, обуславливающего ценностное единение, позволяющее, в свою очередь, построить на единых аксиологических константах смысложизненное осуществление личности и общества. Кроме того, образовательная парадигма в интересах национальной безопасности должна быть основана на единой, непротиворечивой, целостной концепции отечественной истории. Она предполагает устранение трактовки отдельных исторических событий, явлений, процессов, периодов как ценностно «неправильных», характеризующихся атрибутами случайности либо ошибочности. Существенную роль в демифологизации и десакрализации исторического сознания может сыграть повышение общей философско-исторической культуры молодежи, развивающей критическое и системное мышление, ибо постижение истории заключается в системе определенных операций мышления [Rüsen, 2005], рациональность востребована и в пост-модернистской парадигме формирования исторического сознания [Rüsen, 1983], а «способность к наррации» [Rüsen, 2008, с. 67] признается важнейшим способом преодоления кризиса исторического сознания.

Такой тип мышления позволит занять непредубежденную позицию по отношению к ангажированным воззрениям на исторических процесс, ориентируя школьников и студентов на принципы рационального познания, вырабатывая у них четкие гносеологические и логические критерии поиска истины. Наконец, необходима активизация творческой активности молодежи в процессе самостоятельного анализа научных исторических исследований, а также изучения исторических источников, ибо подлинное понимание исторических событий возможно лишь «...в процессе самостоятельного творческого поиска» [Андреев, 2017. с. 94]. Навыки творческого анализа научной литературы и исторических документов позволят сформировать подлинно научный взгляд на исторический процесс. Он обогатит, окультурит, оформит архетипы массового исторического сознания, наполнив их теоретическим содержанием, ориентированным на логически непротиворечивое и рациональное постижение истины.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что сами по себе ресурсы средств массовой информации и Интернета, оказывающие мощнейшее воздействие на историческое сознание, не являются ни инструментом формирования единого патриотического мировоззрения, ни препятствием к его формированию. Все дело заключается в особенностях восприятия личностью исторической информации. В связи с этим необходимо формировать у личности стремление оценивать историческую информацию с точки зрения: во-первых, не практической пользы, а соответствия общечеловеческим гуманистическим идеалам; во-вторых – соответствия признакам верификации и фальсификации, в-третьих – признания окультуривающей, по отношению к обыденному сознанию, роли теоретического уровня исторического сознания, в частности философской и философско-исторической науки, понимания недопустимости прямой подмены научных понятий образами, символами и представлениями, сформировавшимися на обыденном уровне. Содействовать это-

му необходимо: активизацией воспитательной функции образовательных институтов; повышением уровня исторической культуры, формируемой в процессе преподавания курса «История» в образовательных учреждениях всех уровней; повышением уровня философской культуры, формируемой в процессе преподавания философских дисциплин.

Таким образом, создав в рамках учебного процесса образ единой, непротиворечивой истории Отечества, представляющий собой процесс развития определенных ценностных альтернатив Западу, используя, с одной стороны, архетипические образы, главным из которых является образ государства как доминирующей интегративной силы, сплачивающей национальное сообщество, окультуривая обыденный уровень исторического сознания творческим освоением достижений философско-исторического знания и исторической науки, российская система образования сможет содействовать появлению того типа исторического сознания, который в наибольшей степени релевантен обеспечению национальной безопасности. Под влиянием этих факторов историческое сознание российской молодежи из флюктуативного, фрагментированного, эгоцентрического сможет стать устойчивым, целостным и патриотическим, что обеспечит безопасное развитие российского национально-государственного сообщества.

Список литературы

- Андреев Е.А. 2017. Роль проблемного обучения в формировании исторического сознания молодежи (на примере изучения Великой Отечественной войны). Вестник МИЭП, 1 (26): 89–95.
- Браницкий В.В. 2017. Историческое сознание современной студенческой молодежи: социологический аспект. Среднерусский вестник общественных наук, 12(5): 263–269.
- Гурьева И.Ю., Иванова М.Е. 2013. Историческое сознание студентов в зеркале социологических опросов. Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. В кн.: Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск, Национальный исследовательский Томский политехнический университет: 276–279.
- Емельяненко В.Д. 2015. Интернет и ценностно-мировоззренческие основания исторического сознания (к постановке проблемы). Альманах современной науки и образования, 8 (98): 55–60.
- Линченко А.А. 2014. Знание о прошлом и историческое сознание молодежи в информационном обществе. Люди и тексты. Исторический альманах, 5: 51–82.
- Молчанова Е.В. 2019. Воспитание исторического сознания современной молодежи. Образование России и актуальные вопросы современной науки. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, Пензенский государственный аграрный университет: 167–170.
- Останина О.А. 2015. Историческое сознание в эпоху глобализации. Бытие – язык-история. Сборник материалов Всероссийской заочной научной конференции. Киров, изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС»: 101–105.
- Руденко А.М. 2012. Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека. Ростов н/Д: издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 236 с.
- Соснин В.А. 2015. Проблемы безопасности и консолидации российского общества. Прикладная и юридическая психология, 2: 170–176.
- Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е., Фролов В.А. 2013. Историческое сознание российской молодежи: особенности и противоречия. Теория и практика общественного развития, 3(3): 31–35.
- Сучилина А.А. 2020. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. Вестник финансового университета. Гуманитарные науки, 10(1): 96–99.
- Урянская О.Ф. 2019. Осознание смыслов исторических событий – способ формирования аксиологического сознания молодежи. Учитель создает нацию. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Грозный, изд-во ООО НПКП «МАВР»: 206–209.
- Фролов И.В., Кабирова И.А. 2021. Компьютерные игры как инструмент информационной войны, искажающий историческую память и политическое сознание молодежи. Материалы

- международной научно-практической конференции «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления». Витебск, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова: 90–92.
- Шестаков Ю.А. 2016. Единая концепция исторического образования в России как фактор обеспечения ее национальной безопасности. *Гуманитарные и социальные науки*, 3: 85–95.
- Шестаков Ю.А. 2017. *История*. М., РИОР: ИНФРА-М, 248 с.
- Эрикссон Э.Г. 1995. *Идентичность: юность и кризис*. М., Прогресс, 340 с.
- Bourdieu P. 1991. *Language and Symbolic Power*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 292 p.
- Derrida J. 1972. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences. In Macksey Richard and Eugenio Donato. *The structuralist controversy*. Baltimore: Johns Hopkins Press, p. 256–271.
- Foucault M. 1975. *Surveiller et punir: naissance de la prison*. Paris: Gallimard, 227 p.
- Hacking I. 1999. Historical meta-epistemology. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Ser.3, Philologisch-historische Klasse*. 231 p.
- Rüsen J. 2006. Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development. *Theorizing historical consciousness*. Toronto: University of Toronto press, p. 63–86.
- Rüsen J. 2008. *History: narration-interpretation-orientation*. New York: Berghahan Books, 212 p.
- Rüsen J. 1994. *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne; Weimar; Vienna, 264 s.
- Rüsen J. 1983. *Historische Vernunft*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 157 s.
- Schnädelbach H. «Sinn» in der Geschichte? *Philosophie in der modernen Kultur*. Frankfurt: Suhrkamp, 283 s.

References

- Andreenko E.A. 2017. Rol' problemnogo obuchenija v formirovanii istoricheskogo soznanija molodezhi (na primere izuchenija Velikoj Otechestvennoj vojny) [The role of problem-based learning in shaping the historical consciousness of young people (on the example of studying the Great Patriotic War)]. *Vestnik MIJeP*, 1(26): 89–95.
- Branickij V.V. 2017. Istoricheskoe soznanie sovremennoj studencheskoj molodezhi: sociologicheskij aspekt [Historical consciousness of contemporary student youth: a sociological perspective]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 12(5): 263–269.
- Gur'eva I.Ju., Ivanova M.E. 2013. Istoricheskoe soznanie studentov v zerkale sociologicheskikh oprosov. Transformacija nauchnyh paradigm i kommunikativnye praktiki v informacionnom sociume [Students' historical consciousness in the mirror of sociological surveys. Transformation of scientific paradigms and communicative practices in the information society]. In: *Proceedings of the VI All-Russian Scientific-Practical. Conference of Students and Young Scientists*. Tomsk, Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politehnicheskij universitet: 276–279.
- Emel'janenko V.D. 2015. Internet i cennostno-mirovozzrencheskie osnova-nija istoricheskogo soznanija (k postanovke problemy) [The Internet and the value and attitudinal bases of historical consciousness (to set the scene)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [The Almanac of Contemporary Science and Education], 8 (98): 55–60.
- Linchenko A.A. 2014. Znanie o proshlom i istoricheskoe soznanie molodezhi v informacionnom obshhestve [Knowledge of the past and the historical consciousness of young people in the information society]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah* [People and texts. A historical almanac], 5: 51–82.
- Molchanova E.V. 2019. Vospitanie istoricheskogo soznanija sovremennoj molodezhi. Obrazovanie Rossii i aktual'nye voprosy sovremennoj nauki [Educating the historical consciousness of modern youth. Education in Russia and topical issues of modern science]. In: *Collection of articles from the Second All-Russian Scientific and Practical Conference*. Penza, Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet: 167–170.
- Ostanina O.A. 2015. Istoricheskoe soznanie v jepohu globalizacii. Bytie – jazyk-istorija [Historical consciousness in an era of globalisation. Being-language-history]. *Proceedings of the All-Russian Extramural Scientific Conference*. Kirov, Publ. OOO Raduga-PRESS: 101–105.
- Rudenko A.M. 2012. Sociovital'naja koncepcija smyslozhiznennostj intencional'nosti jekzistencii cheloveka [Sociovital concept of the meaningfulness of human existential intentionality]. *Rostov on Don, Publ. SKNC VSh JuFU*, 236 p.
- Sosnin V.A. 2015. Problemy bezopasnosti i konsolidacii rossijskogo obshhestva [Problems of security and consolidation in Russian society]. *Prikladnaja i juridicheskaja psihologija*, 2: 170–176.

- Stoljarenko L.D., Stoljarenko V.E., Frolov V.A. 2013. Istoricheskoe sozna-nie rossijskoj molodezhi: osobennosti i protivorechija [Historical Consciousness of Russian Youth: Peculiarities and Contradictions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 3: 31–35.
- Suchilina A.A. 2020. Protivorechija formirovaniya istoricheskogo soznaniya sovremennoj rossijskoj molodezhi [Contradictions in the formation of historical consciousness among contemporary Russian youth]. *Vestnik finansovogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 10(1): 96–99.
- Urjanskaja O.F. 2019. Osoznanie smyslov istoricheskikh sobytij – sposob formirovaniya aksiologicheskogo soznaniya molodezhi. Uchitel' sozdaet naciju [Awareness of the meanings of historical events is a way of forming the axiological co-consciousness of young people. The teacher creates a nation]. In: [Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference]. *Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Groznyj, Publ. OOO NPKP «MAVR»*: 206–209.
- Frolov I.V., Kabirova I.A. 2021. Komp'yuternye igry kak instrument in-formacionnoj vojny, iskazhajushhij istoricheskiju pamjat' i politicheskoe soznanie molodezhi [Computer games as a tool of information warfare, distorting the historical memory and political consciousness of young people]. In: *Interpretacionnoe nasilie nad istoricheskoy pamjat'ju i formirovanie kul'tury politicheskogo myshlenija [Interpretive Violence over Historical Memory and the Formation of a Culture of Political Thinking]. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. Vitebsk, Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova*: 90–92.
- Shestakov Ju.A. 2016. Edinaja koncepcija istoricheskogo obrazovaniya v Rossii kak faktor obespechenija ee nacional'noj bezopasnosti [A unified concept of history education in Russia as a factor in ensuring its national security]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 3: 85–95.
- Shestakov Ju.A. 2017. *Istorija: uchebnoe posobie [History: Training manual]. Moscow, Publ. RIOR: INFRA-M*, 248 p.
- Jerikson Je.G. 1995. *Identichnost': junost' i krizis [Identity: adolescence and crisis]. Moscow, Publ. Progress*, 340 p.
- Bourdieu P. 1991. *Language and Symbolic Power. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press*, 292 p.
- Derrida J. 1972. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences. In Macksey Richard and Eugenio Donato. *The structuralist controversy. Baltimore: Johns Hopkins Press*, p. 256–271.
- Foucault M. 1975. *Surveiller et punir: naissance de la prison. Paris: Gallimard*, 227 p.
- Hacking I. 1999. Historical meta-epistemology. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Ser. 3, Philologisch-historische Klasse*. 231 p.
- Rüsen J. 2006. Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development. *Theorizing historical consciousness. Toronto: University of Toronto press*: 63–86.
- Rüsen J. 2008. *History: narration-interpretation-orientation. New York: Berghahan Books*, 212 p.
- Rüsen J. 1994. *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusst-seins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne; Weimar; Vienna*, 264 p.
- Rüsen J. 1983. *Historische Vernunft. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht*, 157 p.
- Schnädelbach H. «Sinn» in der Geschichte? *Philosophie in der modernen Kultur. Frankfurt: Suhrkamp*, 283 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.09.2021

Поступила после рецензирования 02.12.2021

Принята к публикации 15.06.2022

Received September 14, 2021

Revised December 2, 2021

Accepted June 15, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестаков Юрий Александрович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Институт сферы обслуживания и предпринимательства Донского государственного технического университета, Шахты, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Shestakov, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship, Don State Technical University, Shakhty, Russia